

*Эта книга посвящается моим родителям –
Игнацию и Паулине Хигер...
Да будет благословенна их память...*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. ДА, Я ПОМНЮ	11
Глава 1. КОПЕРНИКА, 12	15
Глава 2. ДЕВОЧКА В ЗЕЛЕНОМ СВИТЕРЕ	49
Глава 3. ЗДЕСЬ САМА ЗЕМЛЯ ПРОПИТАНА СТРАДАНИЯМИ	79
Глава 4. ПОБЕГ	112
Глава 5. ДЕВА МАРИЯ СНЕЖНАЯ	145
Глава 6. ЕЩЕ ОДИН ПОБЕГ	174
Глава 7. ДВОРЕЦ	184
Глава 8. ПЛЕННИК	229
Глава 9. ОСВОБОЖДЕНИЕ	244
Глава 10. ЧТО БЫЛО ПОСЛЕ	256
БЛАГОДАРНОСТИ	273
ОБ АВТОРАХ	276

Кто обрушил на нас все это? Кто отделил нас, евреев, от остальных людей? Кто допустил, чтобы мы до сих пор так страдали? Это Бог создал нас такими, какие мы есть, и Он же, Бог, поднимет нас снова. Если мы выдержим все страдания и если останутся еще евреи, когда все это кончится, то евреи из проклятого всеми народа станут образцом для подражания.

Анна Франк

В начале начал Бог создал Небеса и Землю. Он поселился на Небесах, а Землю отдал людям. И здесь, на Земле, произошло все это...

Игнаций Хигер,
из предисловия
к неопубликованной книге
его воспоминаний «Жизнь во мраке».

ВВЕДЕНИЕ

ДА, Я ПОМНЮ

СМЕШНАЯ ШТУКА – ПАМЯТЬ. Память – это фокус, который мы проделываем сами с собой, чтобы не терять связи с теми, кем мы были когда-то, со своими тогдашними мыслями, со своей тогдашней жизнью. Она состоит из осколков и возвращается к нам, как сон, фрагментами и эпизодами. Память – это наш ответ забвению.

Я помню... и фрагменты, и эпизоды, и все полотно своей жизни. Отец любил говорить, что память у меня крепче капкана. «Кшися все знает, – говорил он, – Кшися все помнит». Он звал меня Кшисей. Все остальные называли меня Крысей, и вы понимаете разницу.

Да, я помню. Стоило мне только что-то увидеть, услышать или пережить, я откладывала все эти впечатления на потом, в потайное местечко, заглянув в которое можно было при необходимости вытащить их обратно. Все эти истории из моей жизни, рассортированные по полочкам и упакованные для длительного хранения, продолжают жить во мне и сегодня. Даже теперь, когда почти все персонажи моих воспоминаний давно покинули этот мир, они остаются рядом со мной, словно никуда не уходили. А все бывшее так много лет назад кажется мне случившимся только вчера.

Воспоминания приходят ко мне на польском. Я думаю на польском, вижу сны на польском, вспоминаю на польском. Уже потом все мои мысли переводятся на иврит и в конце концов иногда озвучиваются на английском. Я не знаю, как действует весь этот механизм, но как есть, так и есть. Иногда, чтобы стать понятной и выразимой словами, мысли нужно пройти еще и через немецкий и идиш. А сколько во мне живет воспоминаний! Сколько мгновений! Сколько образов, звуков и запахов... крошечных осколков прошлого, воюющих за мое внимание, пытающихся заставить меня разобраться в былом. Мои воспоминания о Второй мировой остаются воспоминаниями ребенка, только усиленными и закаленными в ходе долгой жизни. Прежде всего это мои воспоминания, но поверх них я наложила воспоминания моего отца, матери и даже малыша-брата. Их я раскрасила размышлениями других людей, разделивших с нами наши беды, а также историями, вычитанными в книгах. Да, я тогда была маленькой девочкой, но потом я так много раз обдумывала и переоценивала все увиденное, услышанное и пережитое, что на сегодня во мне осталось жить именно то, о чем я хочу рассказать.

Да, я помню, как мне жилось во Львове, ярком, жизнерадостном городе с 600-тысячным населением. Его называли «маленькой Веной». Это был город извилистых булыжных мостовых, величественных соборов, город открытых дворишков с пышными клумбами и чудесными фонтанами. Город был в основном польский, но с большой долей еврейского и украинского населения... до войны в нем жили 150 000 евреев. Это был

город моего детства, прожитого в достатке, исполненного надежд на будущее, детства, внезапно оборванного дикостью и нетерпимостью. Это был город, жизнь в котором была перевернута сначала советской оккупацией, отнявшей нашу свободу, а потом немецкой — поставившей под угрозу наши жизни. Это был город, где свет и радость в одночасье обернулись отчаянием и мраком.

Я помню нашего французского пинчера Пушка, белого и мягкого, как первый снег. Мы назвали его Пушком, потому что шерсть у него была нежная, как гусиный пух. Отец принес его мне в качестве особого подарка в день, когда родился мой младший брат Павел. Пушок прожил с нами два года, всю советскую оккупацию, но когда пришли немцы, нам пришлось его отдать: он мог выдать нас своим лаем. Мама отвела его к женщине, которая жила на окраине города. Она сделала это, ничего не сказав мне, потому что знала, что я буду плакать. Это была моя первая военная потеря, и я, конечно, все равно плакала. Через два дня мы услышали, что кто-то скребется в нашу дверь. Это был Пушок! Он вернулся! Ему пришлось пробежать километров восемь, но означало это только одно: его придется вести к той женщине снова, а я опять буду плакать.

Я помню простенький зеленый свитер, который мне связала бабушка по отцу, когда мы еще жили в нашей огромной квартире на Коперника, 12. Я была не слишком хорошей внучкой: то схвачу клубок пряжи, убегу и спрячусь, то вытащу спицы, которыми бабушка закрепляла вязание, распушу несколько рядов и воткну

спицы обратно... Она обвязывала всю нашу семью. Это доставляло ей огромное удовольствие. Я обожала свой зеленый свитер!.. А потом бабушку забрали во время одной из «акций»... Я носила свитер почти не снимая — он будто хранил тепло ее объятий... Мне удалось сберечь его — это одно из маленьких чудес, осенивших нашу семью! — теперь он является постоянным экспонатом Американского мемориального музея Холокоста в Вашингтоне, напоминанием о том, какие беды и лишения пришлось пережить еврейским детям во время войны, и о том, какой я была в детстве.

КОПЕРНИКА, 12

Я БЫЛА ПРИНЦЕССОЙ. Да, так я чувствовала себя в детстве. По крайней мере, так прошла часть моего детства. Я родилась 28 октября 1935 года — в то время Львов был одним из самых живых и динамичных городов в Польше. Это было волшебное место, город Ренессанса, да только евреям в нем жилось несладко.

В середине 1930-х во Львове было больше 600 000 жителей, из них около 150 000 евреев.

Мы, конечно, были евреями, но не сказать чтоб очень религиозными. Мы соблюдали шаббат. Моя мама, Паулина Хигер, всегда зажигала свечи. Мы праздновали Песах. Но в храм не ходили. То есть ходили на Высокие праздники, а весь остаток года выполняли религиозные ритуалы дома или не выполняли вообще. Мы зажигали поминальные свечи в годовщины смерти, но при этом не всегда молились. Мы были евреями больше по традиции, чем по вере. Тем не менее жизнь у нас в доме была абсолютно еврейской по духу. Этим мы были обязаны материнской ветви семьи. Со стороны отца в Бога почти никто не верил. Они, конечно, считали себя евреями, и у них в семье тоже царил еврейский дух, но это было скорее наследственным, чем религиозным чувством. В отцовской семье все были